

Прокуратура Псковской губернии и процесс выселения «нетрудового элемента» в 1920-е гг.

Задачей настоящей статьи является попытка проследить процесс выселения «нетрудового элемента», прежде всего дворян, из бывших «гнезд», и участие в нем органов прокуратуры, используя комплекс документов ГАПО (ф. Р-320 – губернская прокуратура). Одновременно рассматривается и кадровый состав прокурорских работников, что для изучения темы весьма важно.

Первый этап выселения бывших помещиков осуществлён в конце 1918 г. на основании Циркуляра Наркомзема от 15 мая 1918 г., переданного в качестве инструкции местным органам власти. Отдел текущей земельной политики Наркомата рекомендовал в нем начать отчуждение частновладельческих имений, оставляя за бывшими помещиками: а) право выбирать место будущего проживания; б) брать личные вещи, включая мебель; в) конфисковывались только сельскохозяйственная техника, художественные ценности, книги, рукописи и др. Местные земельные органы получили право оставлять на местах тех, кто «не проявлял контрреволюционных стремлений» и вел хозяйство, не прибегая к наёмному труду,¹ поэтому сотни бывших дворян и зажиточных крестьян остались пока что в своих хозяйствах. В период НЭПа они усилили свою хозяйственную деятельность: приобретали инвентарь, скот, имущество, возводили новые строения, расширяли даже землепользование (не всегда законными способами), прибегали к найму рабочей силы и др.

Так продолжалось до апреля 1924 года, когда Президиум ЦИК издал Циркуляр с грифом «секретно», поставив целью «в ближайшее время устранить прежних владельцев от фактического пользования и управления

своими владениями». Предстояло составить списки подлежащих выселению, провести полную опись имущества с последующей конфискацией, а выселять предполагалось в административном порядке без учёта интересов выселяемых.²

Первый составленный в Псковской губернии список на выселение подобрал в себя 181 фамилию: в Псковском уезде – 9, Островском – 10, Порховском – 52, Опочечком – 12, Новоржевском – 9, Великолукском – 40, Холмском – 31, Торопецком – 14, Себежском – 11, Невельском – 7.³

Инструкция не содержала подробных разъяснений о порядке выселения (кого и куда выселять, какое имущество и сколько подлежит конфискации и т.п.), поэтому процедура осуществлялась местными земельными органами с большими нарушениями. Многие из оставленных на месте в 1918 г. сравнивали условия прошлого выселения с теперешними, изменившимися в сторону ужесточения, и пытались активно отстаивать свои права. Стали поступать жалобы на самоуправство земельных органов в уездные и губернскую прокуратуру с указанием наиболее типичных нарушений: конфискацию имущества, приобретённого после 1918 г., выселение без указания места будущего проживания и др. Но главное, как отмечал заместитель губернского прокурора Б.Н. Гордон, заключалось в том, что «списки составлялись без документов о социальной принадлежности выселяемых», что вело к нарушению инструкции.⁴

28 марта 1925 г. в газете «Известия» было опубликовано Постановление ЦИК и СНК «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживающих в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах» (См. Приложение). Если в 1918 г. выселению подверглись именно быв-

Маркова Маргарита Тимофеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ПсковГУ.

шие помещики, то в 1925 г. это коснулось представителей и других сословий. Всего в 1926 г. было взято на учет и предназначено к выселению 590 «бывших», в том числе 190 дворян, 246 крестьян, и 154 принадлежали к мещанам, купцам и почётным гражданам.⁵ Лиц недворянского положения, как видим, оказалось даже больше. В Порховском уезде, например, кандидатами на выселение оказались 21 дворянин, 10 купцов, двое мещан и 19 крестьян. Из купцов фигурировали фамилии Ардамацких (в семье 10 едоков), Перфильевых (15 членов семьи), дворян – Богосвской (8 едоков) и Тутолмина (9 человек)⁶

Представители «недворянских категорий» чаще всего и обращались в надежде найти справедливость в различные инстанции – с жалобами, прошениями, заявлениями, протестами и др. Уездные прокуратуры передавали их в губернскую, где, как правило, подтверждалась правильность решения уездных властей, а обращения непосредственно в губернскую прокуратуру чаще всего заканчивались ответом «оставить без последствий». Наиболее «настырные» писали в Москву в НКЮ, а затем во ВЦИК или прямо на имя «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, а оттуда прошения возвращались на места с рекомендацией разобраться и даже наказать виновных в нарушении закона. Но губернская прокуратура вместе с губернской комиссией по выселению не сдавали своих позиций: они, как правило, требовали новых подтверждений фактов, изложенных в заявлениях. В результате получался «круговорот» переписки, порой неоднократный.

Обратимся к конкретным делам.

Братья Скудре, зажиточные крестьяне, например, в период НЭПа хорошо поставили свое хозяйство, исправно платили налоги, но неожиданно для себя попали в списки на выселение и конфискацию сельскохозяйственного инвентаря. Они обратились с заявлением, грамотно обосновав своё право остаться на собственном хуторе: советское законодательство о землепользовании не нарушали, более того – служили в Красной Армии. Их заявления отправили одновременно в уездное земельное управление и уездную прокуратуру, затем в Народный комиссариат юстиции

РСФСР, откуда 2 февраля 1925 г. в губернскую прокуратуру пришло заключение: «произвести расследование и принять меры к возврату неправильно отобранного ранее имущества с привлечением виновных лиц к ответственности». Но, пройдя несколько раз через все инстанции, братья Скудре в октябре 1925 г. получили постановление НКЮ о том, что «в действиях местных органов нарушений существующих законоположений не усматривается»³, т. е. за время «хождения документов» в течение нескольких месяцев все вернулось «на круги своя».⁷

Процесс выселения постоянно освещался и активно обсуждался в местной печати. Так, в январе 1926 г. в «Псковском набате» была помещена заметка о том, что некто Яковлев до революции вёл прогрессивное хозяйство, которое посещали крестьяне для знакомства с новыми методами производства, а теперь этот «образцовый хозяин» превратился в «акулу беспощадной эксплуатации батраков», поэтому крестьяне и потребовали его выселения. Подобные заметки призваны были сформировать мнение, что инициаторами выселения были простые крестьяне, желающими в бывших «гнездах» устроить новые общественные заведения. Так, писалось, например, о том, что в избе кулака после его выселения будет открыта изба-читальня, а когда выселят все «нетрудовые элементы», то крестьяне получат 5000 дес. земли бесплатно, и только землемерам заплатят за размежевание по 40 коп. с десятины.⁸

Но вернёмся к документам, поступавшим в прокуратуру.

Например, И.Я. Шиков до революции имел 68 дес. земли, в годы Первой мировой войны служил в армии, побывал в плену, потом вступил в Красную Армию, служил в охране Наркомата финансов в Москве. Затем вернулся домой, где его ждали 80-летняя мать, жена и сестра, вступил в качестве «крестьянина-трудовика» в кооператив, права голоса не лишился, но тем не менее тоже попал в списки на выселение.⁹ Подобной была участь и семьи А.Алексеева из 7 едоков из деревни Мартино Островского уезда, у которой из 40 дореволюционных десятин земли осталось 14, обрабатываемых своими силами, без использования наемного труда. Но и

она оказалась кандидатом на выселение. Последовали жалобы в различные инстанции.¹⁰

Чаще всего в заявлениях подчеркивалось нарушение одного из условий закона от 20 марта 1925 г., согласно которому не подлежали выселению те, кто приобрёл землю до революции через Крестьянский поземельный банк с предоставлением рассрочки платежей, выплачиваемых уже и при Советской власти.

Показательно в этом отношении «дело» братьев Борисенковых из д. Торопово Новосокольнической волости Великолукского уезда, купивших до революции 140 дес., из которых в распоряжении семьи из 8 чел. после революции оставили только 8 дес. Хозяйство считалось трудовым, но в 1926 г. оказалось в списках на выселение, причину чего в обращении во ВЦИК Борисенков объяснял «корыстными соображениями представителей местной власти».¹¹ А один из братьев Антоновых, оказавшихся в аналогичном положении, свою жалобу начал словами: «Я не дворянин, а крестьянин, у меня даже фамилии нет (!)». Оказывается, до революции четверо братьев купили 45 дес. земли, из которых после 1917 г. им оставили только 12 дес. И это на четыре семьи! Братья совсем молодыми были мобилизованы эстонцами в Белую армию, но затем вернулись в родную деревню Бакачи Островского уезда. Преследованиям за это со стороны Советской власти они не подвергались, под судом не были. Взвесив все «за» и «против», местная прокуратура и губернская комиссия оставили братьев на месте.¹² Неординарный и редкий для той поры случай!

Гражданин же П.Н. Иоффе из Торопецкого уезда свое заявление «Верховному прокурору республики СССР» начал словами: «Мой отец, бывший еврей по происхождению, был мещанином г. Велижа Витебской губернии, служил в лесном хозяйстве и через различные банки купил в Псковской губернии в Торопецком уезде 1000 десятин земли (лес и болото, только 80 десятин пашни). В 1917 г. отец умер. В 1918 г. хозяйство реквизировали, но в годы НЭПа часть инвентаря вернули». П.Н. Иоффе служил в советских учреждениях и был признан «трудовым элементом». Но будучи включенным в списки на выселение, обвинял в этом главу уездно-

го исполкома, с которым «не сложились отношения». Несмотря на это 30 января 1926 г. семья была выселена.¹³

В большинстве заявлений отмечались нарушения сроков предупреждения о выселении, т.к. по закону это необходимо было сделать за месяц, чтобы выселяемые могли продать имущество, скот, инвентарь и т.п. Но чаще всего срок сокращали до 10 дней, и за такое короткое время сбыть нажитое было очень трудно, если вообще возможно. По мнению мещанина с хутора Костыжицы Порховского уезда И.И. Шпакова, это делалось местными органами сознательно, а в своем ходатайстве он писал: «Мы твердо надеемся, что Президиум Высшей Центральной власти республики с должным вниманием отнесётся к нашей просьбе трудовиков и как власть трудящихся станет на защиту настоящих хлеборобов от произвола местных властей».¹⁴ Обстоятельно изложили суть несправедливых действий местных властей братья Бодины (Андрей и Михаил) из деревни Мылинки Себежского уезда. До революции семья владела 130 дес. земли, купленными через Крестьянский банк в 1900 г. После революции им оставили только 10,5 дес., но в 1918 – 1925 гг. семья приобрела скот, новые постройки (хлев, сруб и др.), и ее внесли в списки «бывших помещиков»: в декабре 1925 г. реквизировали скот и объявили о выселении. Братья обратились в губернскую прокуратуру, сославшись на нарушение закона от 20 марта 1925 г. по двум пунктам: земля приобретена до революции через Крестьянский банк, и один из братьев служил в Красной Армии. Губернский прокурор подтвердил правомерность решения уездных властей, и тогда братья написали протест на действия губернских властей во ВЦИК. Оттуда последовало указание о приостановлении выселения, но местные власти уже произвели его и направили в Москву сообщение о том, что «нет оснований верить Бодинам», и их протест оставлен без последствий.¹⁵

Некоторые из выселяемых не верили бумажным ответам и отпискам, и пытались апеллировать лично М.И. Калинину. Так, Николай Васильевич Подсухин из Порховского уезда лично ездил в Москву, попал на приём к секретарю М.И. Калинина, которому

рассказал о том, что 73-летний отец семейства Василий Иванович участвовал в Балканской войне 1877–78 гг., потом крестьянствовал, покупал землю через Крестьянский банк. На момент выселения это была большая крестьянская семья, состоявшая из 59-летней жены, двух сыновей (29 и 17 лет) и трех дочерей. Старшая дочь работала сельской учительницей, средняя – медработником в психиатрической лечебнице, третья училась в техникуме в Ленинграде, имевшиеся в распоряжении семьи 8 дес. земли члены ее обрабатывали своим трудом. Но ... старший сын в период крестьянского восстания в Порховском уезде «несколько дней был мобилизован в банду зелёных», затем служил в волостном комиссариате и в течение двух с половиной лет в Красной Армии.

В Москве Подсухина выслушали, но выселение не остановили, а землю отдали в аренду односельчанам.¹⁶

Николай Георгиевич Коростелев с хутора Заколенье Порховского уезда в жалобе псковскому губернскому прокурору от 8 февраля 1926 г. писал, что его отец – крестьянин Калужской губернии в 1880-е годы переселился в Порховский уезд, где имел небольшой надел. Сам же Николай Георгиевич учился в столице на землемера и лесничего, затем уехал на Урал, где примкнул к революционерам, за что был осуждён на три года. Тем временем его жена купила через Крестьянский банк 150 дес. земли. В 1918 г. Николай Георгиевич вернулся к семье, которая получила 5 десятин земли, возвел дом и надворные постройки, он работал землемером и лесничим. Как «полезного хуторянина» его хвалили волостное и уездное земельные управления. Но ... в декабре 1925 г. семью выселили – с нарушением как сроков, так и процедуры выселения, конфисковав все имущество. Он обратился в НКЮ, но там наложили резолюцию: «заявление оставить без последствий». Когда же после этого он попытался через Гублес устроиться на работу («так как негде жить и нечем кормить семью»), то ему отказали. Ничего не осталось, как сделать вывод: «Пострадав серьёзно в прошлом, я и сейчас обречён переносить нравственные страдания и упреки семье».¹⁷

Губернская же прокуратура во всех перечисленных случаях, призванная стоять

на страже закона и пресекать незаконные действия властей, к сожалению, чаще всего оправдывала их. В 1926 г. – в год активного выселения «бывших» и «нетрудового элемента» – в штате губернской прокуратуры числилось 20 чел.: губернский прокурор, два его заместителя, 7 помощников и технических работников (реально – 19); семеро сотрудников происходили из крестьян, один из рабочих, 8 – из служащих, по одному – из дворян и «духовного звания», остальные – из «прочих». Большинство их работали в прокуратуре от одного до трех лет, а образовательный уровень был довольно низким: высшее образование имели только двое, трое – среднее, зато 14 чел. были всего лишь с низшим образованием. Почти не отличался и состав работников уездных прокуратур, где по штату числилось 44 чел. (23 – из крестьян, по двое – из рабочих и дворян, трое – из служащих, один – из «духовного звания» и 13 – «прочих»); высшее образование имели двое, среднее – 18, а низшее – 24.¹⁸

В 1926 г. губернским прокурором был назначен М.Г. Калмыков (1897 г.р.), член ВКП(б), происходивший из крестьян и в годы Гражданской войны служивший в военных трибуналах; один из его заместителей – Ф.М. Прокопья (1898 г.р.) окончил гимназию, другой – Н.И. Каблуков (1898 г.р.) – юридический факультет Петроградского университета; в их распоряжении имелось семь помощников.¹⁹ Непосредственно заявления выселяемых рассматривали уездные прокуроры, у которых дел оказывалось очень много, и в октябре 1925 г. было принято решение «об увеличении количества прокуроров в уездах до 2 человек, желательны членов ВКП(б)».²⁰ Персональный состав уездных прокуратур был определен к весне 1926 г., среди их сотрудников значились фамилии Писарева, Яковлева, Коптева, Селюнина, Кулаковского, Романовского, Хомутова, Шеффера, Гржибовского, Лагздыня и др.²¹ Когда же из Наркомата юстиции пришел запрос – «кто из прокуроров губернии располагает достаточными знаниями в области гражданского и хозяйственного права и обладает ораторскими способностями?» – были названы Коптев, Каблуков, Прокопья, Карповский и др. Несколько раньше, в феврале 1925 г., за-

меститель губпрокурора Меняйло был переведен в Москву.²²

Прокурор Опочецкого уезда В.В.Селюнин (1889 г.р.), например, происходил из семьи «торговца мануфактурой», в 1903 г. разорившегося. Сам же Селюнин окончил в 1900 г. Псковскую гимназию, служил в статистическом бюро и примыкал к революционерам, в 1911 г. поступил на медицинский факультет Юрьевского университета, но из-за отсутствия средств прервал обучение. В годы Первой мировой войны он служил в Чернигове, в 1919 г. вступил в Красную Армию, в члены РКП(б), с октября 1922 г. работал в Опочечком уюме партии, откуда и был переведен в прокуратуру.

Н.Н. Кулаковский (1898 г.р.) происходил из деревни Гунченки Витебской губернии, окончил 4-х классное училище, в 1909 – 1914 гг. служил по найму в судебных учреждениях, был мобилизован в царскую армию, затем в Красную Армию, где исполнял обязанности члена следственного трибунала в Полоцке. С 1923 г. в должности народного следователя служил в Себеже, после чего был рекомендован на должность прокурора.

В Великие Луки прокурором был назначен беспартийный Н.Н. Емельянов (1871 г.р.), окончивший юридический факультет Санкт-Петербургского университета, владевший русским, немецким и латинским языками. Служил в судебной палате, с 1914 г. – в окружном суде Великих Луках, затем с 1918 г. – в следственном комитете, с 1922 г. – в прокуратуре.²³

Следовательно, большинство губернских и уездных прокуроров не имели специального юридического образования, но приобрели некоторый опыт работы в следственных органах в годы гражданской войны. Состав прокуратуры Псковской губернии, таким образом, оставлял желать лучшего и по уровню образования, да и по опыту работы. Прошедшие школу гражданской войны прокурорские работники руководствовались в своей деятельности не столько «буквой закона», сколько «революционной необходимостью», классовым подходом к «бывшим» и «нетрудовому элементу», и не собирались всерьез защищать интересы приговоренных к выселению. Даже после распоряжения из Москвы о пересмотре «дел», они оставляли обращения «без последствий».

Примечания

¹ ГАПО. ф. Р-320. оп. 1. д. 13. л. 8; ф. Р-203. оп. 1. д. 9. л. 1-2.

² ГАПО. ф. Р-320. оп. 1. д. 13. л. 5; ф. Р-203, оп. 1. д. 41. л. 1.

³ ГАПО. ф. Р-320. оп. 1. д. 16. л. 173, 176.

⁴ ГАПО. Ф.320. оп.1. д.3. лл.43,48.

⁵ ГАПО. Ф.203. оп.1. д.41.

⁶ ГАПО. Ф.203. оп.1. д.57. лл.25-29,48.

⁷ ГАПО. Ф.320. оп.1. д.16. лл.173,176.

⁸ Псковский набат. 1926. 10 и 12 января, 25 марта.

⁹ ГАПО. Ф.320. оп.1. д.16. л.265.

¹⁰ Там же. Л.270.

¹¹ Там же. Лл.458-460.

¹² Там же. Лл.470-475.

¹³ Там же. Лл.233-235.

¹⁴ Там же. Л.355.

¹⁵ ГАПО. Ф.320. оп.1. д.19. лл.77-86.

¹⁶ Там же. Л.167-169.

¹⁷ Там же. Лл.204-211.

¹⁸ ГАПО. Ф.320. оп.2. д.4. л.27.

¹⁹ Там же. Л.46.

²⁰ Там же. Л.179.

²¹ Там же. Л.129.

²² Там же. Лл.29,68.

²³ Там же. Лл.93,100,128.

Приложение

**Извлечения из Постановления ЦИК и СНК от 20 марта 1925 г.
«О лишении бывших помещиков права на землепользование и
проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции
хозяйствах»**

Рабоче-крестьянская советская власть своими первыми декретами отменила полностью и навсегда помещичье землевладение. Вместе с тем власть предоставила некоторым бывшим помещикам надел земли по трудовой норме при условии ведения хозяйства без наёмного труда.

Однако, как показал семилетний опыт, бывшие помещики, не только не ведут культурное хозяйство, но и разрушают доверенное им имущество. Под видом организации сельскохозяйственных артелей и коммун бывшие помещики эксплуатируют крестьян, применяя наёмный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения ...

Все эти явления вызывают в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение.

В виду изложенного ЦИК и СНК постановляет:

1. Бывшие дворяне и их семьи лишаются права на землепользование.
2. Настоящее постановление не распространяется
 - а) на земельных собственников трудового и полутрудового типа, которые приобрели землю при посредстве земельных банков и работали со своими семьями с применением лишь добавочного наёмного труда;
 - б) на лиц активно боровшихся на стороне советской власти в рядах Красной Армии;
 - в) на лиц, имеющих особые заслуги, отмеченными постановлениями ЦИК и СНК.
3. Бывшие помещики и крупные землевладельцы, подлежащие выселению, обязаны сдать имущество по описям. Постройки, живой и мёртвый инвентарь, приобретённые самими пользователями, признаются собственностью и могут быть вывезены или проданы на месте.
4. Лицам, выселяемым на основании постановления, предоставляется право на наделение землёй по трудовой норме в других губерниях.
5. Выселение бывших помещиков и крупных землевладельцев должно быть закончено к 1 января 1926 г., причём в первую очередь производится выселение из приграничных губерний.

Председатель ЦИК СССР

М.И. Калинин

Председатель СНК СССР

А. Рыков

Секретарь ЦИК СССР

А. Енукидзе

(Опубликовано в газете «Известия» 28 марта 1925 г.
Приводится по: ГАПО. Ф.203. оп.1. д.57. л.123)